

Той ночью лунный свет был холодным и прозрачным. Он падал на тонкие черты лица Се Чэньлу. Его веки были полупрозрачными, а губы лишены красок — сейчас, без единой капли крови, он напоминал горсть вот-вот рассыплющегося снега.

Его привычное лазурное одеяние превратилось в лохмотья, пропитанные кровью, которая уже начала засыхать. Бесчисленные раны на теле зияли открытыми язвами — у него не осталось духовных сил, чтобы исцелить их. Он лежал у кушетки Чу Цзюаня, запрокинув изящную шею, словно умирающий олень, и в то же время — как загнанный в угол волк, с мрачной яростью впившийся взглядом в свою добычу.

Позади него колыхались тени деревьев, в лунном свете раскачивались ветви утун.

Казалось, он дошел до предела мучений и был готов задушить того, кто лежал перед ним, но, собрав последние силы, сдержался. До боли закусил собственную руку, и в то же мгновение из раны хлынула кровь.

Укус помог ему немного прийти в себя. Растрепанный, он с трудом приподнялся, опираясь руками по обе стороны от тела Чу Цзюаня. Его окружала такая аура зла, словно он стал одержимым, а каждое слово, слетавшее с его губ, резало сердце, как нож.

— Мой господин, за что вы так со мной...

Чу Цзюань некоторое время молча смотрел на него, затем внезапно протянул руку и коснулся его окровавленного лица, произнеся спокойно:

— Раньше ты тоже так относился к своему господину?

Тонкие нити духовной силы проникли в тело Се Чэньлу через его висок. Се Чэньлу вцепился в руку Чу Цзюаня еще крепче, до крови впиваясь ногтями в кожу, но спустя долгое время все же смирился и закрыл глаза, тяжело повалившись на бок.

Рука Чу Цзюаня все еще лежала на его волосах, кончики пальцев окрасились в алый цвет, а в воздухе разлился тошнотворный запах крови.

— В какую иллюзию он попал? — Чу Цзюань нахмурился. Такое состояние было явно ненормальным.

003 поспешно подлетел, чтобы осмотреть его:

— Ему приснилось, что он добыл лекарство и вернулся к Хуан И, чтобы спать с ним вместе.

Чу Цзюань...

Он невольно покосился в сторону — кровать была пуста, никого там не было.

Се Чэньлу уже прижался к его плечу, дыхание его было слабым, как падение лебяжьего пуха. Чу Цзюань внезапно спросил:

— Это и есть его внутренний демон?

003 призадумался:

— Думаю, лишь его часть.

Гора Цюн необъятна и полна опасностей, никто не знает, через что именно ему пришлось пройти.

Чу Цзюань рассеянно перебирал окровавленные пряди волос Се Чэньлу, погрузившись в свои мысли. Тот, пребывая в забытии, словно видел какой-то жуткий кошмар — вдруг протянул руку и намертво вцепился в плечо Чу Цзюаня, прижимаясь к его ладони:

— Мой господин, не уходите... не бросайте меня...

Горячая кожа, обжигающая прикосновения — Чу Цзюань на мгновение замер:

— Это тоже его внутренний демон?

В морозном лунном свете по полу змеился кровавый след, тянувшийся от окна. А в израненной руке Се Чэньлу сжимал самый редкий плод горы Цюн — Плод Древа Девяти Драконов.

Тонкие струйки энергии дракона обвивали изумрудный плод, и дракон, порожденный этой силой, все еще яростно грыз ладонь Се Чэньлу.

Дерево, возникшее из духа самого Паньгу, цветет раз в тысячу лет и приносит плод раз в десять тысяч лет. Говорят, оно одного корня с родом Истинного дракона, и в мире не нашлось бы никого, кроме Се Чэньлу, избранного судьбой, кто смог бы его достать.

Даже ему пришлось пройти пешком десять тысяч ли, подняться на тысячу ступеней, совершая поклоны на каждом шагу, и убить охраняющего зверя, прежде чем плод оказался в руках. Чу Цзюань отвел растрепанные волосы — лоб Се Чэньлу был в сплошных ранах, след от десяти тысяч земных поклонов.

Шаг — поклон, шаг — поклон. Искренность сердца тронула саму землю, и та приоткрылась.

Чу Цзюань провел прохладными пальцами по сведенному судорогой лбу, не зная, о чем и думать.

Шум, с которым Се Чэньлу ворвался во Дворец Бисяо, был подобен вспышке кровавого света. Странствующий дух-чиновник Бифан поспешил внутрь и увидел, как Се Чэньлу свернулся калачиком у руки Чу Цзюаня, а тот с мрачным взглядом перебирал его волосы.

— Мой господин... — Бифан склонился в поклоне, голос его звучал тревожно.

Чу Цзюань убрал руку. Пока Бифан осматривал Се Чэньлу, Чу Цзюань сидел у входа в зал, глядя на распускающиеся лотосы. Юноша был статен и красив, и даже в этой простой позе от него веяло некоторой небрежной свободой.

003, чье бесплотное тело покоилось на плече Чу Цзюаня, украдкой наблюдал за его выражением лица:

— Хозяин, сердце смягчилось?

Чу Цзюань подозрительно покосился на 003 и сделал глоток чая.

У 003 появилось плохое предчувствие, и в следующую секунду он услышал тихий, холодный голос Чу Цзюаня:

— Скажи, а что, если этот кошмар станет явью?

003...

Даже будучи лишь набором виртуальных данных, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Чу Цзюань только успел договорить, как вернулся Бифан. Он выглядел крайне смущенным. Чу Цзюань слегка кивнул, коротко бросив:

— Говори.

Бифан склонился:

— Нэйцзюнь сжимает Плод Девяти Драконов и ни за что не хочет разжимать руку. Духовный наставник говорит, что это его одержимость...

Его ладонь была изранена острыми шипами плода, а сам плод — величайшее сокровище,

требующее бережного хранения. Если что-то пойдет не так, все старания будут напрасны.

Се Чэньлу действительно не разжимал пальцев, они почти впились в плод. Чу Цзюань не стал настаивать. Подумав, он наклонился к самому уху Се Чэньлу и сменил тон:

— Чэньлу, отдай мне.

Этот голос, обманчиво нежный, спустя триста лет и два месяца снова достиг его слуха.

Крепко сжатые пальцы наконец медленно разжались. Как только рука освободилась, он тут же решительно вцепился в рукав Чу Цзюаня, найдя новую цель, и больше не разжимал пальцев ни за что на свете.

Чу Цзюань...

Ни уговоры, ни приказы не помогали.

Стоявшие рядом служанки невольно сдержали смех. Се Чэньлу был из тех, кто ни за что не позволит себя обмануть, даже если речь шла об обмене на плод.

Когда Бифан и наставник закончили с делами и удалились, в огромном дворце остались только Чу Цзюань и Се Чэньлу.

Чу Цзюань небрежно положил Плод Девяти Драконов на стол. Плоды покатались, едва не упав с края.

003 от испуга задрожал:

— Хозяин! Плод Девяти Драконов!

Чу Цзюань протянул руку и отрезал часть рукава, за который намертво уцепился Се Чэньлу, произнес равнодушно:

— Ну и что с того?

003: ???

— В этом мире нет ничего, что могло бы заменить Рог дракона, и нет сокровища, способного его восстановить, — звук рвущейся дорогой ткани был подобен разверзнувшейся бездне. — Если бы не Рог дракона, разве стал бы я терпеть унижения и заключать брачный союз?

Именно потому, что в мире он существовал в единственном экземпляре и не имел замены.

На одежде остался уродливый разрез. 003 задохнулся от удивления и осторожно спросил:

— А... Се Чэньлу знает об этом?

Знает ли он, что плод не поможет восстановить рог?

Чу Цзюань на мгновение замолчал, пораженный тем, что система задает такие очевидные вопросы, затем спокойно поднялся:

— Кто знает, обманывает он сам себя или все еще тешит себя призрачной надеждой?

Кроме него самого, никто этого не знает.

Се Чэньлу прошел долгий путь. Настолько долгий, что конца ему не было видно. Тысячи ступеней, уходящих в облака, где не было видно ничего, кроме ослепительного белого цвета, выпили из него все силы.

Даже когда он лишился слуха, обоняния и зрения, он продолжал поклоны. Колени были разбиты, лоб покрылся коркой из крови и снега. Различные духи и демоны терзали его, разрывая плоть и слизывая кровь из ран.

Демоны хихикали и спрашивали:

— Оглянешься назад?

Нельзя оглядываться.

— Твой господин уже женился.

Ложь, все это ложь.

— На фениксе, на пятицветном фениксе, и засадил весь двор деревьями утун...

Нет, не может быть. Он сам больше всего на свете ненавидит утун, господин никогда бы их не посадил.

— Он уже вошел с тем фениксом в брачные покои.

Нет, все это обман.

Глубокий голос внезапно раздался у самого уха:

— Хуан И...

Это... голос господина.

Оцепеневший Се Чэньлу внезапно открыл глаза. В них уже давно плескалась кровавая пелена. На бескрайней ледяной равнине из ниоткуда возник огромный десятитысячефутовый меч, рассекая снег и лед.

Окровавленная рука, от которой почти остались одни белые кости, внезапно сжала горло демона позади него. Он медленно поднял голову, и на его лице промелькнула жуткая улыбка:

— Что ты сказал? Повтори еще раз?

Голос демона, полный издевки, прошептал:

— Твой господин бросил тебя, он нашел нового...

Он не успел договорить — меч пронзил его тело. Демон ледяной равнины с изумлением смотрел на клинок, не в силах поверить в абсурдность происходящего.

Тела древних богов, духи ледяных равнин — все они были лишь его внутренними демонами. Как может человек собственными руками убить своих демонов?

И все же он делал это — одного за другим, уничтожая всех до единого, а затем, сжимая меч, шаг за шагом поднялся к алтарю древних богов.

Там стояло огромное снежное дерево, чья крона, словно небосвод, скрывала весь мир. Бесчисленные ледяные зеркала превращали все вокруг в иллюзию — четкую, жестокую и дурманящую.

С кончика его меча капала кровь. Он не знал, рядом ли кто-то, просто шел по алтарю, и даже снег не мог охладить жар его крови.

Девять снежных драконов обвивали дерево, спали в его ветвях или парили вокруг, а на самой вершине рос изумрудный плод — единственное живое пятно в этом бескрайнем белом мире.

Он принялся рубить драконов одного за другим. Это были духи земных недр, каждый из них исчезал, чтобы лишь через сотню лет возродиться вновь.

Когда он, ступая по снегу, оставшемуся от драконов, уже собирался сорвать плод, резкий крик остановил его.

— Остановись!

Огромное дерево задрожало. Оно росло десять тысяч лет и обрело разум, ему было жаль отдавать свой единственный плод.

Рука Се Чэньлу замерла в воздухе, кончик меча приподнялся, и он мрачно произнес:

— Ты тоже хочешь мне помешать?

Дерево, будучи духом, привязанным к земле, не могло противостоять его ярости. Оно дрожало, но продолжало защищать плод.

— Ты пожалеешь об этом...

Словно желая доказать свою правоту, дерево создало огромное ледяное зеркало. В нем клубились облака, и вскоре показалась фигура.

Зрачки Се Чэньлу сузились. Это был Чу Цзюань.

Снег мешал разглядеть детали, но Чу Цзюань в черном плаще обнимал кого-то. Поза была невероятно интимной, а юноша в лазурном одеянии, прильнувший к нему, выглядел так, словно устал и был счастлив в нежных объятиях любимого.

Однако в следующее мгновение тот, кто был в объятиях Чу Цзюаня, медленно соскользнул вниз. Кровь пропитала одежду, растекаясь по снегу, словно красная слива — ярко и ослепительно.

Тот, кто только что нежно обнимал его, превратил руку в клинок и пронзил грудь того, кто был в его объятиях.

Фигура в черном плаще шатаясь исчезла в метели, а горячая кровь все продолжала расползаться по снегу. У того, чья грудь была пробита, было лицо, в точности как у него самого.

Это был он. Се Чэньлу.

Чу Цзюань убил его.

Меч с грохотом разбил ледяное зеркало, осколки разлетелись, как брызги крови. Лицо Се Чэньлу было непроницаемым, он протянул руку к плоду.

— Ты пожалеешь, однажды ты убьешь его! — дух дерева отчаянно тряс ветвями, пытаясь спасти плод, но перед лицом такой колоссальной разницы в силе это было бесполезно.

— Шумно, — бесстрастно произнес он, сжимая в руке божественный меч.

Рука дрогнула, плод упал в его ладонь. Он бережно прижал изумрудный плод к сердцу, чувствуя проникающий в самую душу холод, и, словно в бреду, прошептал:

— Не убьет. Господин... он не сможет меня бросить...

Господин, как ты можешь решиться убить меня?

<http://bllate.org/book/18619/1792535>